

Ю.М. Ботяков

ГРАНИЦА В АБХАЗИИ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Материал, рассматриваемый в статье, относится главным образом к различным вариантам функционирования внутренних, т.е. межобщинных и межсоседских, границ в Абхазии, а также правилам, обеспечивающим их поддержание и неприкосновенность.

Одно из названий Абхазии — *гешьхей*, употреблявшееся в народной среде, выражает нерасторжимое единство двух основных ее природных составляющих — гор и моря, которые являют собой естественные рубежи с севера и юга. [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064:1]. Внутренняя, символическая граница, проходящая по хребтам, разделяет Абхазию на две части: низменную — *агатэыла* и горную — *ашьхатэыла*. «Заканчиваются южные склоны и начинаются северные. <...> Перевал и вроде уже начинается спуск на северный склон. Хотя впереди этих перевалов еще будет много. <...> Переход через него означает, что ты пересек границу. Уход вниз условный, все равно выше, чем там, где вы были. Там общинная жизнь по своим правилам» [Архив МАЭ РАН. ПМА. 2065: 67].

В абхазском языке для определения таких понятий, как «граница», «межа», «ограда», употребляются следующие лексемы: *асандзгэ* — граница; *аггара* — забор, ограда, ограждение; *аанда* (адара) — забор (плетеный), ограда, ограждение, изгородь; *ахэаа* — граница, предел, межа; *асанзгэахэаа* абж — граница, межа; *аагалуан* — ограда (земельного участка); *аЦыша* — межа; *аТархэра* — выпасать в огороженном месте; *аТакхаара* — огородить, обнести оградой; *апшага* — граница видимости пространства; *агаџа* — граница моря и суши; *аанда* — ограда; *аЦэаГэагыжь* — очерченный круг, проведенная черта [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 158, 160].

Среди перечисленных понятий универсальным является *ахэаа*, употребление которого корректно для обозначения как го-

сударственной границы, так и обычной межи между соседскими полями. В силу этого обстоятельства понятие *аҭҭаа* будет использоваться нами в различных аспектах рассматриваемой темы.

В фольклоре народов Кавказа, в том числе абхазов, сюжету очерчивания территории, собственно проведению границы, отведено особое место. Так, в фольклоре кабардинцев абрек Гулей при приближении врагов, отделяя себя от них, проводит черту и предупреждает о серьезных последствиях для тех, кто посмеет пересечь этот рубеж. В одной из этногенетических легенд абхазов говорится об их предках, живших в местности Мысар, которые, провинившись перед царем этой страны, были вынуждены спастись бегством. «Святой, посланный в погону, догнал их в Абхазии. Испуганные абхазы рассыпали на его пути хлеб-соль, и ни святой, ни его священный конь арашь не посмели переступить через нее» [Бройдо 2010: 86]. В одной из версий этого сюжета говорится, что беглецы, очертив себя круговой чертой, положили возле нее хлеб, через который преследователи не смогли переступить. В другом случае черта была окроплена материнским молоком, что также сделало ее неприступной [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 161].

В известном кабардинском предании, когда Кабарда Тамбиев наделяет землей своего зятя Куденета, последний просит разрешения взять «столько земли, сколько можно захватить воловьей шкурой» [Кашежев 1980: 238–240]. Хитрость Куденета заключалась в том, что, получив позволение, он сумел захватить значительную территорию («насколько можно окинуть взором»), поскольку нарезал из подаренной тестем воловьей шкуры тонкие ремни, с помощью которых были обозначены границы нового земельного владения. История показательна: в этом фольклорном сюжете демонстрируется представление о границе не только как рубеже, но и важнейшем факторе формирования территории. Отметим здесь, что в фольклорной традиции народов Кавказа в качестве своеобразного маркера территории, реального или символического, обладает разостланная на земле бурка (подробнее см.: [Ботяков 2004: 187–188]).

Согласно другому преданию, повествующему об основании восточно-абхазского селения Кындыг, роду Дашыраа за достойную службу на северной границе царем Абхазии было даровано право обретения новых земель: «Перейдя р. Кодор, вы окажитесь на побережье. За один день ходьбы обозначьте границы территории, на которой вы будете обитать. Там и будете хозяевами» [Апхазоу 2008: 34]. Определенные аналогии прослеживаются и в других фольклорных источниках, например в истории возникновения еще одного селения Восточной Абхазии — Маркулы, согласно которой владетель земли Ачба предоставляет своему зятю столько земли, сколько тот сможет обойти за день [Адлейба 2008: 95].

Есть и другие примеры. Так, в частности, один из информантов Р.Ш. Зельницкой отметил, что его предок, переселившийся в Абхазию с Северного Кавказа, после прохождения испытания на храбрость получил от местного князя в дар столько земли, сколько смог объехать за день [Зельницкая. Рукопись].

Л.И. Лавров в своей работе «Этнография Кавказа» приводит два дагестанских предания, где приобретение спорной территории связано с приведенным выше приемом наложения условного объекта (случай с воловьей шкурой или буркой), но на этот раз в качестве замещающего символа использовалась земля. Героями преданий являются ботлихцы и цудахарцы, которые за счет ловкого приема сумели разрешить территориальный спор между жителями соседних селений чеченцами и лакцами в свою пользу. Находясь на спорной территории, они поклялись в том, что стоят на родной земле, и действительно не погрешили против истины, так как насыпали в свои чувяки землю, взятую у дома [Лавров 1982: 119–120].

Сюжет этот очень распространен и имеет различные вариации, в том числе и сугубо локальные. М.С-Г. Албогачиева, сославшись на семейное предание, приводит следующий примечательный случай. Когда один из ее родственников пристрастился к употреблению спиртных напитков, отец заставил его принести клятву в том, что он прекратит позорить семью. Молодой человек выполнил волю отца и произнес требуемые слова: «Клянусь

никогда не пить на нашей земле!», но привычки своей так и не бросил. Он вывалил возле дома землю, привезенную на арбе из леса, и продолжал пьянствовать, сидя на ней.

В предании о Куденете мы также находим описание условий, необходимых при проведении границы, так, в частности, свои действия он совершает при стечении большого числа свидетелей. И, наконец, в предании недвусмысленно показана сама возможность умелого манипулирования с линией границы или обозначенной ею территорией, что находит примеры не только в фольклоре народов Кавказа, но и в реальной действительности.

Абхазский материал, которым мы располагаем, дает два примера умелого обращения с линией границы, направленного на формирование территории. Показательно, что оба примера относятся к периоду установления советской власти в Абхазии, т.е. времени перехода от традиционных форм землепользования к новой социалистической системе, когда разрушение старой и рождение новой модели отношений создавали условия для временно-локального информационного разрыва.

Согласно воспоминаниям нашего информанта, когда в их селе Атара происходил передел земли, одна из крестьянских семей, желая «прирезать» к своим территориям дополнительный участок, провела значительную работу по имитации линии границы, пытаясь обосновать свои притязания на этот участок как издревле им принадлежащий. Крестьяне закопали в землю по линии якобы «исконной» границы каштановые жерди, сформировав таким образом с помощью ложных маркеров «руины» старой ограды. Выбор именно этой породы дерева не был случаен: каштан долго не поддается гниению, и, благодаря этому свойству подлог обнаружить сложнее [Архив МАЭ РАН. ПМА. 2065: 61].

Второй пример связан с князьями Маршания, которые в 1930-х годах занялись срочной продажей излишка земли, наличие которого могло иметь для них самые трагические последствия. Землю старались продавать людям, на которых они могли полностью положиться.

И вот они между собой заключили такой союз... И ему показали межу, забор сделали, что еще до войны эта земля тебе принадлежит. С этого момента они за землю уже не беспокоились.

Но главное для нас — это то, как выбран был этот участок.

Да, но эти 0,25 га выделены в таком месте, что дальше уже кромсать эту землю (т.е. оставшуюся у князей. — Ю.Б.) не имело смысла. Они хитро поступили, колхоз дальше уже не мог отрезать. Отцу они дали такое место, что дальше не имело смысла, <...> там тысяча метров, еще тысяча метров в углу. Никто больше не зарился на их землю <...> дальше туда никто не пришел жить и работать. Трактора не пришли туда. Для них это главное было. Земля сохранилась — отцу тоже, им тоже [Архив МАЭ РАН. ПМА. 2134: 85–86].

Разграничение территории в Абхазии, если рассматривать его как технологический процесс, зависело в первую очередь от особенностей рельефа и протяженности пограничной линии. Наш информант из селения Члоу отмечал, что для разграничения соседской пашенной территории в их местности использовались камни, которые поднимались на поверхность во время вспашки земли. Их собирали и складывали в нескольких местах вдоль линии межи, так что через несколько лет здесь вырастали двухметровые пирамиды. Там, где позволяла местность, границей служили специальные ограждения, главным образом рвы и ограды, которые в своем подавляющем большинстве использовались для проведения межи, разделяющей соседские поля и угодья.

Рвы рассматривались населением как наиболее надежное средство фиксации линии границы. Их прокладка требовала финансовых затрат, так как на эту работу нанимали приезжавших сванов и мегрелов, поэтому далеко не каждое хозяйство прибегало к такому способу обозначения границы. До советизации Абхазии рвом чаще всего отделялись территории, принадлежавшие дворянам (рис. 1).

Рис. 1. Оплывший ров на территории князя Маршания. Селение Агара.
Фото Ю.М. Ботякова. 2012 г.

И еще я знаю, что дворяне, чтобы разделить свои владения, нанимали людей и проводили даже в ложбинах... канавы [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 76].

Данный способ межевания, в настоящее время проводимый с помощью техники, сохраняется, по-прежнему оставаясь довольно трудоемким и дорогостоящим видом работ. Поэтому к нему прибегали и прибегают, как правило, в особых случаях.

Заборы, канавы. Но в советские времена в мою бытность, чтобы вот так рыли ямы (т.е. рвы. — Ю.Б.) — редкий случай [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 144–145].

Однако в начальный период советской власти в Абхазии, когда в результате территориальных изменений граница пришла в «движение», возникала необходимость прибегнуть к наиболее надежному способу обозначения своей земли. «Каждый владелец четко

знал свою территорию. Чтобы избежать некоторых проблем с соседями, они искусственно делали границы вокруг своих земель. Мой дед, чтобы четко отделить свои владения от владений своего родного брата, вырыл ров в человеческий рост вокруг своих земель, заплатив за это двух волов» [Зельницкая. Рукопись].

Подобный подход сохраняется и в настоящее время. Так, один из наших информантов, купив в недалеком прошлом у своих соседей два земельных участка, обозначил их границы рвом как наиболее надежным способом маркировки новой территории (рис. 2).

Рис. 2. Ров на границе земельных участков. Селение Атара.
Фото Ю.М. Ботякова. 2012 г.

Сейчас там глубокий ров между ними и мною... Я подумал... мне надоело: скот заходит, люди заходят, волки заходят, мои коровы уходят. Обозначить выкупленную землю и обезопасить, т.е. надолго, насколько это возможно, и сделать вместо забора. И заодно выполняет осушительную работу [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 167].

По словам другого нашего информанта, его дед решил вырыть пограничный ров в качестве едва ли не последнего средства для остановки «сползания» соседей за пределы границы вглубь их родового участка.

Но они перешли... начали его захватывать. Он взял двух быков, обученных пахать вместе с арбой, и продал... Тогда армяне были, мегрелы приезжали и яму (ров) вырыли... Он вырыл и отдал быков тем, которые рыли [т.е. вырученные за их продажу деньги. — Ю.Б.] [Архив МАЭ РАН. ПМА 1893:14–15].

При прокладке пограничного рва, чтобы исключить малейший повод к зарождению возможного конфликта, педантично соблюдали принцип равенства прав и интересов сторон.

Одну лопатку (земли) сюда, другую туда... Такое правило было [Архив МАЭ РАН. ПМА 1893: 15].

Или шли на явную уступку соседям, даже в ущерб себе.

Я сделал так, чтобы ров оказался чуть на моей стороне, без захвата чужой территории. Отсыпь на нашей стороне, не к ним, а к нам (т.е. с утратой пригодной для сельскохозяйственной обработки полосы земли у края рва) [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 166].

Там, где это позволяло, в качестве пограничной линии использовались дороги, однако, учитывая возможную перспективу кардинального изменения их траектории, этот маркер не всегда оставался надежным (рис. 3).

Что касается заборов и изгородей, то они, безусловно, являлись наиболее распространенным способом разграничения земельных участков и угодий, включавших территорию в лесу, пашню, огород, виноградник и кладбище. Если прокладку рва можно рассматривать как способ межевания, ориентированный на значительную временную перспективу, где принцип незыблемости

Рис. 3. Дорога, разделяющая территории селений Аракич и Атара.
Фото Ю.М. Ботякова. 2012 г.

границы проявляется со всей очевидностью, то очерчивание территории с помощью изгородей и заборов допускало возможность более пластичного подхода к ее моделированию. Видный абхазский этнограф Ц.Н. Бжания, рассматривая местное скотоводство в XIX в., отмечал, что изгороди, которыми крестьяне огораживали свои поля, после сбора урожая разбирались, а их территория поступала в общественное пользование для выпаса скота. «Этот порядок назывался “*хкаарашь ҭын*”, что значит “**время, когда снимаются ограды**”» [Бжания 1962: 30–31].

Грузинская исследовательница С.И. Бахия отмечает, что на стадии разложения патронимической собственности, когда отделившиеся семьи выходят за пределы приусадебного комплекса главного дома, «между участками появляются живые изгороди из трифолиаты с низкими перелазами (*ахсста*), которые становятся символом территориальной целостности» [Бахия 1986: 24].

Наиболее предпочтительным материалом для изготовления пограничных изгородей и заборов считались колья и жерди из таких твердых пород деревьев, как дуб, каштан и шелковица.

У нас каштановые были колья, дед мой в горы (за ними) уходил [Архив МАЭ РАН. ПМА. 2065: 71].

Изготовленные из дуба колья и жерди служили не менее пятидесяти лет. В дальнейшем стали использоваться не уступавшие им по прочности колья из завезенной в Абхазию акации.

Состоянию изгородей и заборов в Абхазии уделялось повышенное внимание. Человек, не содержащий в порядке забор, порицается и в наше время: «Ты приведи в порядок забор, ворота поставь!» В этой связи примечательно, что абхазы, в полной мере отдающие должное трудолюбию своих соседей армян, в состоянии их заборов видят проявление известной эстетической глухоты:

Армянский забор как попало сделан. Из всего, чего можно было..., там будет и кроватная сетка, и лист железа... Сами армяне тоже могут Вам сказать — им не нужны эти... (эстетические излишества. — Ю.Б.) [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 65–66].

С позиции местных жителей, конструктивные особенности абхазского забора дают нам возможность к еще одному сравнению национальных ментальных особенностей.

Пошла мода как на Северном Кавказе, как новые русские: трехметровые каменные заборы делают. Люди не воспринимают, потому что двор должен быть открытый. Граница границей, но ты с душой людей встречаешь. Когда война началась, осетины, чеченцы, адыгейцы-добровольцы, они удивлялись: «Почему у вас не каменные заборы?» — «Что бы мы гостей видели, встречали». <...> Врагов не имеем [Архив МАЭ РАН. ПМА. 2064: 7].

В связи с обустройством *аҳаа* отдельно скажем несколько слов о кольях, *аЦəqan*, маркирующих границы территории. Согласно представлениям абхазов, вбитый в землю кол являлся знаком, своеобразной точкой отсчета, первым очень важным шагом в процессе ее освоения и утверждения права собственности. В абхазской среде в этом значении употреблялось следующее выражение: «Белый (т.е. очищенный от коры. — Ю.Б.) кол забил» [Архив МАЭ РАН. ПМА. 2065: 109].

Расчистив от леса участок пашни и вбив первый колышек в землю, абхаз с этого момента уже не думал о том, что князь может оспорить его право на землю [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 108–109].

Существовал и особый термин для пограничного кола или столба — *аЦəыгдыгə* [Генко 1998: 322]. В качестве примера можно упомянуть тесаный столб с особым, вероятно выжженным знаком в его верхней части, который, по словам наших информантов, находился около рва в лесу на границе территории князя Маршания в селении Атара Абхазская.

Межевой / пограничный кол выступает в качестве «главного действующего лица» в некоторых абхазских топонимах. Так, среди наименований местности в восточной Абхазии встречается название *Дгьанцəыш* — пограничный столб мегрельского князя Дадиани, забившего его в XVII в. в верховьях реки Кодор в качестве знака собственности на захваченную им территорию [Кварчия 2006:148]. А в западно-абхазском селении Калдахвара известен топоним, в котором закреплена память о значительно менее известном лице — *Аджибхалчиша* — межевой кол вдовы из рода Джиба. Кол как знак, маркирующий границу, сохранился и в арсенале колхозного землеустройства. «Власть всегда следила за тем, какой территорией владеет крестьянин. Не увеличил ли крестьянин без ведома властей свой приусадебный участок. Они через определенное количество времени измеряли участок крестьянина. А если они выявляли, что территория изменилась, то урезали участок, ставили столб. Это означало, что дальше земля принадлежит колхозу» [Зельницкая. Рукопись]. Способ мар-

Рис. 4. Обоюдоострые колья. Селение Ачандара.
Фото Ю.М. Ботякова. 2013 г.

кировки территории посредством кольев был настолько распространен, что это нашло литературное отражение. Так, в одном из рассказов абхазского писателя М. Лакербая главная героиня для доказательства факта своего нахождения на могиле ведьмы в ночное время должна была использовать именно колышек. «Но если ты уж твердо решила идти, то возьми с собой колышек и вбей его в могилу. Мы утром пойдем и проверим, была ли ты там или не была» [Лакербай 2007: 250–251].

В практике абхазских крестьян было принято использовать для ограды колья, достигавшие двухметровой длины, заостряя их с двух сторон. Таким образом, верхняя часть кольев, во-первых, дольше противостояла осадкам, а во-вторых, после того как их нижняя часть в конце концов приходила в негодность, их переворачивали и вновь вбивали в землю. Один из наших информантов сделал любопытное замечание о наметившейся в последнее время тенденции среди абхазских крестьян не обустривать свое

хозяйство в расчете на долгую перспективу, исходя из своего наблюдения, что крестьяне уже не забивают в землю обоюдоострый кол (рис. 4).

В лесу, как правило, прибегали к другому способу межевания. Стоявшие на границе участка деревья валили вдоль границы, при этом стволы подрубались наполовину, так чтобы упавший ствол сохранял возможность питаться от корня. С годами упавшие в линию стволы обрастали порослью, образуя вид живой изгороди. Одним из известных способов разделения участков в лесу являлась также просека.

В качестве промежуточного варианта между природными объектами, которые служили в качестве естественных рубежей и пограничных знаков, и искусственными сооружениями с тем же значением можно рассматривать *ацэыш* (абжуйский диалект), *ацэыша* (бзыбский диалект) — столбы на вершине горы [Генко 1998: 323]. Они возводились из белого известняка и должны были помогать ориентироваться на местности, но также выполняли функцию маркеров границы [Архив МАЭ РАН. ПМА 2135: 46].

Естественные рубежи, как правило, разделяли территории сельских сообществ, селений, поселков внутри них, пастбищ в горах, охотничьих угодий, т.е. когда речь шла о значительных площадях или территориях, где устройство искусственных заграждений представлялось невозможным или нецелесообразным. В качестве таковых в первую очередь служили русла рек и ручьев, которые могли являться и межой между соседскими участками.

У нас используется широко речка. Местность гористая, речек много, очень удобно. Мы были как в треугольнике — спереди одна речка, сзади тоже одна, с этой стороны река текла [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 70].

Широко использовались также гряды холмов, скалы, камни, родники, отдельно стоящие деревья, в том числе и деревья, специально посаженные в качестве разграничивающей полосы. С.И. Бахия со ссылкой на Н. Бердзенишвили, изучавшего древнегрузинские письменные памятники, отмечает, что в Абхазии

в качестве знака собственности на землю на деревья ставили кресты. В дальнейшем «патрономическое поселение окружали межевые деревья, но уже не меченые крестами (dauvavavi)» [Бахия 1986: 24].

В связи с границей коротко отметим и другие формы маркировки территории, не менее важные, чем фиксированная пограничная линия. Иначе говоря, в ряде случаев мы можем говорить об ее отсутствии.

Каждое хозяйство не примыкает к другому, очень редко. Граница здесь не забор, а именно площади, пространство какое-то, которое занято под тем или иным хозяйством. И эта граница незыблема [Архив МАЭ РАН. ПМА. 2065: 1–2].

Или другое заявление:

И не обозначалась, приблизительно же знали. Мы пахали вместе, сеяли вместе. Между кукурузными рядами семьдесят сантиметров, а между нашими полями больше метра, чтобы знали, где наша граница [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 173].

На вопрос о том, каким образом предъявлялись права на лесные ресурсы в условиях отсутствия фиксированной границы, наш собеседник ответил следующее:

Это довольно приблизительно. Сколько хватит, чтобы себя протопить, круглый год костер (очаг) жечь. Определенные ориентиры есть, ну может метров шестьдесят-семьдесят в глубину. В принципе, я думаю, из чего исходит этот размер? Из того, сколько нужно, чтобы человеку поддерживать постоянно очаг [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 70–71].

Сдерживающим фактором в эксплуатации лесных угодий служило общественное мнение. Если человек начинал использовать лес в масштабах, превышающих его насущные потребности, это

не оставалось незаметным для соседей. В таких случаях главным фактором маркировки территории становилась не периферия, а центр, в качестве которого могли выступать различные объекты. В этой связи можно привести выражение, приписываемое абхазскому царю, которое наш информант слышал с детства. Оно, как нам представляется, выражает простую схему соотношения центра и пограничной периферии:

Докуда достает моя рука, это и есть граница моего государства [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 3].

Обозначение центра в преданиях о правителях часто связано с возведением если не крепостей, то заметных построек. В предании о появлении селения Акуаскиа говорится, «что однажды царь Абхазии, объехав свои владения, остановился в этом селе и построил красивый дом на сваях (акуаскиа)» [Делба 2008:106]. Или другое предание уже о селении Баслаху, согласно которому «территория села в древности принадлежала Баслаху (Берзеху) Чачба. А его дом (дворец) стоял на возвышении. От крепости, стоящей на этом холме, и произошло название села» [Кокоскир 2008: 102].

В этой связи отметим, что в 70-х годах прошлого века в окрестностях Сухума грузинами были построена башня и сванский ресторан, возведение которых рассматривалось частью абхазов как вызов и территориальный маркер [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 22–23] (рис. 5).

Один из наших собеседников отметил, что на горных пастбищах никогда не было такого четкого разграничения территорий, как на равнине. Но существуют так называемые *атып*, т.е. закрепленные за кем-то места стоянки.

Какая-то базовая точка, а пастбища они могут выбирать себе... [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 68].

При этом скот мог зайти на чужую территорию, что не становилось причиной конфликта.

Рис. 5. Сванская башня в пригороде Сухума.
Фото Ю.М. Ботякова. 2010 г.

Но осесть там, погнать свой скот (не могут)... только представители этого села могут [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 153].

Но главным маркером и доказательством для определения и / или подтверждения принадлежности прав на ту или иную территорию были и остаются могилы предков.

Наш информант из селения Калдахвара рассказал о том, как его предки в период махаджирства воспитали, женили и определили на местожительство двенадцатилетнего подростка, оставшегося в Абхазии без родственников.

Ему было где-то 12–13 лет... Семью угнали. Потом наши старейшины собрались и решили определить его на то место, где жили его родные. Так бы его не посадили туда, со скотом: козы, овцы, коровы, буйволы. Определили его на то место, где он... где эта фамилия жила. Эту территорию никто не занимал. Там у них могилы, до сих пор там... Даже сейчас их много стало, в Пицунде живут, в Гудаутах, в Калдахварах. Когда кто-нибудь умирает, они привозят на это место... Если бы не было корней его в этом месте, на этой земле, то наши деды не посадили бы (его) на это место. Если бы было чужое. Его определили: «Это твое место, лес твой, вода, пастбище родовое. Земли много было. Но они хотели, где его могилы» [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 81–82].

Или другой пример — фрагмент текста, приводимый как неоспоримое доказательство права на территорию.

Потому что там, где он дом построил, вокруг него полтора гектара земли, от этой земли недалеко, метров тридцать дальше, там наши могилы были. Сейчас уже нету, их речка (подмыла берег) [Архив МАЭ РАН. ПМА. 2065: 175].

Рассмотрим наиболее часто возникающую в связи с функционированием границы проблему ее нарушения, провоцирующую различные конфликты, а также наработанные практики выхода из них. Вопрос нарушения границы неотделим от проблемы ущерба, наносимого территориальным ресурсам общины или отдельным ее представителям. Представление о недопустимости нарушения целостности пространства, куда входит не только дом с хозяйственными строениями, пашня, лес, виноградник, но и семейное кладбище, по-прежнему сохраняет свою актуальность среди абхазских крестьян. До настоящего времени абхаз рассматривает себя в качестве одного из звеньев родовой цепочки. Он не только наследует родовую территорию, но и несет за нее ответственность перед своими наследниками.

Из того, что я знаю, мне приходилось видеть, это один из важнейших источников сложнейших конфликтов. Потому что для абхаза территориальность пространства, которое он занимает, имеет ключевое значение. И потому он всегда тщателен в выстраивании пограничных отношений. Это касается сельских общин, это касается индивидуальных хозяйств [Архив МАЭ РАН. ПМА 2135: 40–41].

Как показывает практика межобщинной коммуникации, в этой сфере не может быть мелочей, и любое, даже незначительное на взгляд стороннего наблюдателя событие потенциально может стать спусковым механизмом серьезного, затяжного конфликта.

В конце 80-х годов прошлого века в селении Абгархук проводились дорожные работы, в ходе которых автобусные остановки на проходящей через селения трассе были оборудованы табличками с названием населенных пунктов. Вследствие технической причины (дорога шла вдоль реки) указатель с названием населенного пункта, расположенного на левом берегу, можно было установить только на правом. Этого оказалось вполне достаточным для того, чтобы население правобережного поселка расценило такое решение как явный демарш и посягательство на их территориальную целостность.

Уже год конфликтуют. Наши мудрецы не могут их примирить... Один раз собрали — не получилось. Второй раз собрали — не получается. Третий раз — не получается. Неудобно. Уже об этом конфликте в районе знают. А тут мудрецы не могут отрегулировать этот конфликт [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 94].

О накале ситуации красноречиво говорит тот факт, что во время заключительной стадии переговоров между заинтересованными сторонами старейшина одной из делегаций, от которого все ждали взвешенного, конструктивного подхода, занял бескомпромиссную позицию и посчитал необходимым использование фразеологии явно агрессивного характера.

Говорит: «Мы вечером, ночью посоветовались и решили до последнего будем держаться!» Ультиматум объявил! [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 95].

Другой наш информант рассказал о конфликте, который внезапно вспыхнул между представителями двух абхазских семей. Все началось с того, что во время поселкового праздника кто-то из присутствующих заинтересовался, кому принадлежит земля, на которой собрались его участники. Информант при этом отметил следующую примечательную деталь:

Споров не было насчет земли. Земля-то собственно везде пустует... Она им не нужна, и этим не нужна. Но корни... чьи корни?! [Архив МАЭ РАН. ПМА. 2065: 84].

Вопрос «корней» можно рассматривать как доминирующий: примечательно, что тот же информант счел необходимым отметить, что земля, на которой уже давно живут представители другой фамилии, когда-то принадлежала им. В свое время она была подарена отцом информанта ее нынешним хозяевам. При этом моему знакомому, не имеющему уже никаких на нее прав, крайне важно было подчеркнуть сам факт владения этой территорией в прошлом. Поэтому не случайно, что многие конфликты на почве нарушения *ахдаа* заканчивались кровной мстью.

Один из наших информантов сообщил, что во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. в восточной Абхазии произошел трагический случай, спровоцированный посягательством на межевой знак. Причиной конфликта стала рубка на дрова дерева, росшего на границе соседских участков, принадлежавших двум двоюродным братьям. Один из братьев в отсутствие своего родственника-соседа срубил дерево, которое на протяжении длительного времени являлось порубежным знаком и воспринималось окружающими в качестве родового символа, за что и был им убит [Архив МАЭ РАН. ПМА. 1847: 31].

Существует еще одна, безусловно, болезненная для самолюбия абхаза причина острой реакции на ситуацию нарушения границы.

Подобное посягательство воспринимается потерпевшей стороной как явное доказательство того, что его недооценивают, не слишком высоко ставят как личность, способную за себя постоять или же обладающую низким социальным статусом. Эта жизненная коллизия, в частности, нашла отражение в известной пословице: «У того, кого недооценивали, оказывается, сабля была».

Принимая во внимание подобное обостренное отношение абхазских крестьян к вопросам, связанным с разграничением территории, точка зрения на то, что все конфликты происходили из-за «женщин и земли», воспринимается уже не просто как расхожее мнение. В ряде случаев за территориальными притязаниями стояла чья-то выстроенная дипломатическая интрига, организатор которой использовал в качестве спускового механизма именно эту болевую точку.

Бывало не зная тоже делал, потому что кто-то ему говорит: ваша территория, как бы столкнуть. От другого человека исходило [Архив МАЭ РАН. ПМА 2135: 82–83].

Основная причина, толкавшая на территориальные захваты, пограничные нарушения, заключалась в недостатке удобных или плодородных почв, леса, пастбищных угодий. В качестве типичного варианта пограничного конфликта между соседями выделяли незаметный, «ползучий» захват угодий, когда забор постепенно год от года переносился на небольшое, практически незаметное глазу расстояние. При этом использование кольев и жердей из мягких пород дерева, например из граба, которые надо менять через 2–3 года, приводил к необходимости частого ремонта ограды, что подспудно провоцировало заинтересованную сторону к захвату территории.

На пограничной почве по сей день бывают кровавые конфликты. <...> Например, склон горы, он засадил его, а тем не хватает, земля у них есть, но он хочет коз пасти. Начинает козни строить. «Разреши моим козам пасть». А у него там виноградник... Колья же вбивают? Он зимой на метр-полтора

передвигает ограду. Метр-то метр, но там же длинный участок, а через год еще на полтора. Думает, что не заметят. Замечают. И начинается у них разбор. Вот такого очень много, с детства слышался. И поэтому строго очень [Архив МАЭ РАН. ПМ. 2064: 7–9].

Аналогично могла сложиться ситуация и с лесными угодьями, когда проникновение соседа на чужую территорию проходило незаметно.

Потому что он вплотную примыкал, и он начал подползать, начал срезать мои деревья. Вот смотри: мое дерево повалено. Вот граница, сделанная отцом моей тети... Это он знал прекрасно. Свой лес он знал, куда он может шагнуть. Но когда я пришел, он думал, что я не знаю. А я сразу определил свои границы... Разобрался [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 176].

В период советской власти наследственная территория абхазских крестьян, как и земельные угодья сельских общин, как известно, вошли в состав общественного фонда колхозов. Доля земли под личное владение, на которую мог претендовать колхозник, в среднем равнялась 0,5 га. На этом фоне положение сельских интеллигентов выглядело еще более скромным — 0,25 га. Нередко этот участок земли колхознику очерчивали на территории его же исконной, «дедовской земли», но это не являлось правилом.

В первые десятилетия советизации Абхазии существовала такая практика, когда колхозники не расставались со своей территорией, обрабатывая ее и снимая урожай, фиксированная часть которого сдавалась в колхозные закрома. Однако при возделывании плантаций чая и табака земельные наделы объединялись и обрабатывались уже бригадами. При этом вопрос межсоседских территориальных претензий продолжал сохраняться, приняв уже производственную форму.

Чайные плантации. Там бригадное деление межей. Бригадное деление, звеньевое деление. Различные закрепленные

участки. Людям давали участки — вот один гектар, вот граница где проходит, и будешь обрабатывать и отвечать за урожай. Или же наоборот, чайную плантацию, отсчитывали ряды... Вот тебе женщина Гяге до сих пор... название сохранилось — «Гяге учерта» — «Гягин участок». Ставили веху, писали, принадлежит такой-то... Споры были. Хорошо обработала, хорошо очистила от колючек, от ежевики, самую трудную работу провела, и вдруг возникает женщина: «Ты захватила мои два ряда!» Та перенесла межу. Взяла, вырвала колышек и переставила на другую. Такие случаи бывали. Особенно когда сбор урожая начинался. Захват чужих рядов. Иногда ругались, иногда бригадир решал вопрос: «Я же знаю, где я поставил межу!» Иногда голосом брали [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 54–55].

Чаще всего на такой шаг колхозницу толкала безвыходность ее положения, так как выделенный ей участок не обладал необходимой для выполнения плана плодородностью почвы.

Показательно, что и в рамках колхозной системы старая проблема — конфликты на почве межевых споров — сохранялась, не только приняв новую форму, но и рекрутировав новых участников — женщин, ставших полноправными участниками производственного процесса. Особенно часто, по словам наших информантов, конфликты на почве нарушения границы проходили на пастбищных угодьях.

Ц.Н. Бжания, автор работы по абхазскому скотоводству, сообщает о частых столкновениях, имевших место в XIX в. в пастушеской среде, где зачинщиками конфликта, как правило, выступали князья, пытавшиеся силой захватить пастбищные угодья. Речь идет, например, об абжуйском князе Григории Чачба, объявившем себя владельцем ряда горных пастбищ на правом берегу реки Кодор. При этом им была создана в местности Наа на левом берегу р. Кодор застава с целью взимать пастбищную плату с пастухов. Однако пастухи фамилии Квициния не только прорвали эту заставу, избив князя и управляющего, но и оказали вооруженное

сопротивление непосредственно на пастбище [Бжания 1962: 26]. Подобный факт не был единичным. Во всяком случае, с точки зрения Бжания, «горные пастбища, лежавшие на рубеже Абхазии, были местом ежегодных кровавых столкновений во время летней пастьбы скота» [Бжания 1962: 18].

Взаимоотношения на почве распределения пастбищных угодий складывались не просто даже в среде однофамильцев. Информант Р.Ш. Зельницкой сообщает:

До махаджирства в нашей деревне представителей моей фамилии проживало около 70 хозяйств. В другом микрорайоне тоже проживали наши однофамильцы. У них возник спор по разделу пастбищ. Как утверждал мой отец, этот участок принадлежал нам. Они без спроса пускали свой скот. Они не хотели уступать, и дело дошло до выстрелов. Кто-то был убит или нет, мне неизвестно, но факт остается фактом. Наши предки защищали свои земли с оружием в руках, даже против своих однофамильцев [Зельницкая. Рукопись].

Тем не менее в среде абхазских крестьян нормой поведения являлось поддержание добрососедских отношений. Согласно сведениям, полученным от нашего информанта из селения Члоу, в самом конце 80-х годов XX в. наметился процесс возвращения в село людей, давно проживавших в городе, но решивших восстановить свои родовые земли в сложный период отечественной истории. Наш информант даже счел возможным употребить по отношению к таким хозяйствам термин *ақьапта* (см. ниже), подчеркивая тем самым степень запущенности усадьбы и состояние полного разрыва отношений с соседями.

Они приходили, с соседями разговор: «Вы помните нас?» — «Да, ваши границы — вот так, вот так...» Все уточнялось. Без конфликтов, заново заборы строили. Люди начинали сначала сеять, пахать... потом какой-то балаганчик поставят, потом уже домик и т.д. [Архив МАЭ РАН. ПМА. 2065: 68–69].

Информанту было важно подчеркнуть полную гарантию неприкосновенности чужой земли. Не будет ошибкой сказать, что в настоящее время эта точка зрения является одной из аксиом взаимоотношений абхазов в сфере землепользования.

Земельные участки принадлежали какому-то роду, сейчас никто не пользуется, они лежат так. Но вряд ли кто позволит себе... никто не пользуется, я возьму себе эти земли... Это исключается. Нету у нас такого [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 139].

В местной среде было широко распространено представление, согласно которому жить на захваченной территории не представляется возможным. «Чтобы я мог там жить, земля должна быть по отношению ко мне доброй». До настоящего времени значительная часть абхазов считает, что жизнь на чужой, не принадлежащей тебе земле не только не совместима с нормами этического кодекса *апсуара*, но и связана со смертельными рисками, т.к. земля, взятая силой, не по праву, может быть проклята — *шишэу адгьыл* [Архив МАЭ РАН. ПМА 1893: 7–8].

В арсенале средств, которые используются в ходе развития конфликта, причем не только на почве земельных споров, есть одно весьма действенное, с точки зрения абхазов, но к этому средству стараются не прибегать без веских на то оснований. Один из наших информантов, говоря о пограничном конфликте, в котором участвовала его семья, отметил, что его дед, несмотря на просьбы собственного сына, проклял своих соседей, которые заровняли межевой ров. Последствия не замедлили сказаться: члены соседской семьи стали умирать один за другим.

Ожидаемым последствием проклятья становилась череда болезней и смертей, которая обрушивалась на членов отдельных домохозяйств или даже всей фамилии. Так, в селении Бармыш представитель фамилии Цимцба проклял в родовом святилище членов фамилии Капш, проживавших в том же селении, которые обвинялись в совершении насилия.

Дедушкин отец забрал барашку, поднялся туда... там он барашка резал, большую свечку вот такую в полметра сделал и сказал: «Ваши фамильцы пока не исчезнут из нашего села, чтобы не могли оправдаться». Капшавцы начали помирать туда-сюда. Они все село оставили. Те, что остались <...> при мне двухэтажные дома оставили и уходили все. Сейчас два человека остались. Тут у нас был агроном — двухэтажный дом, сарай, кухня, все построено. И он все сейчас оставил и уехал. 5–6 домов двухэтажных стоят сейчас, участок их, фрукты. Никто не ходит. Огород, фрукты, виноград, все оставили [Архив МАЭ РАН. ПМА 134: 18–19].

Наш информант из селения Мгудзырхуа сообщил о стоящем по соседству от его усадьбы доме следующее. Его хозяин, конокрад, не признал за собой вины и был проклят в кузне (святылице) владельцем лошади. В результате частых смертей в семье конокрада дом опустел.

Сегодня в год один-два раза карниз дома словно охвачен огнем. Пламя очистило их всех. Семья потерпевшая также пострадала... После того как проклятый род очистился, проклятье переходит на проклинающего. Хозяин должен был принести в жертву волоха. Тех нет, и этих нет. Ошибку совершили [Архив МАЭ РАН. ПМА 1755: 6].

Такие дома, хозяйства, в которых умирали его обитатели и окончательно пресекался род, в абхазской среде именуется *ақьамҭа*, *ақьанҭа*, *ақьабҭа* — вымерший дом, развалина. В прошлом существовала целая процедура закрывания подобных домов.

И раньше были случаи, я слышал, вообще из родни никого не осталось. Его последнего прямо внутри дома... хоронили. Все, уже никто не придет туда жить. Это как бы могила там. Кто-то из соседей приходил, убирал как памятники. Закапывали, и чтоб видно было, что там человек похоронен. Если памятник какой-то не ставили, камнями большими по кругу

ложили, и все. Ашыхыз... Бабушке моей было за сто, вот она рассказывала, что были такие случаи, когда в селах хоронили прямо (в доме)... Через определенное время дом разваливался и могила оставалась, камни остались, и видно, что человек там похоронен [Архив МАЭ РАН. ПМА 2135: 85].

Дом и прилегающая территория, ставшие в прямом смысле слова кладбищем, являлись закрытой для окружающих территорией, границу которой без необходимости старались не пересекать.

Соседи могли зайти, однофамильцы прибрать, свечку поставить. Лишний раз — нет. Кому приятно [Архив МАЭ РАН. ПМА 2135: 84].

Поведение людей, живущих в непосредственной близости от *ақъапта*, регламентировалось известными для всех правилами и запретами.

Вот здесь между нами раньше жили Джопуавцы, они там умерли бедные, сын погиб... Ақъапта. Вечером мы здесь не ходили. Детей во всяком случае не пускали. Или бегом. Это место мы избегали. Хотя днем носились, играли, ну нам запрещали. Дома стояли нетронутые, никто ничего не трогал. Я даже помню посеребренные седла в казарме (узкое, прямоугольное в плане хозяйственное помещение) наверху... Седла две-три штуки прямо висели в абсолютно хорошем состоянии. Урожай здесь не собирали. Там было много фруктовых деревьев, орехов — не собирали. Дети ходили, ели — это нормально считалось. Но чтобы себе собрать и понести... Не твое это [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 72–73].

Исходящая от проклятой территории опасность, трагические последствия для новоселов, по незнанию или беспечности поселившихся на данной территории, — один из наиболее массовых и устойчивых сюжетов в моих полевых материалах.

У нас считается, где в семье никого не осталось, прийти в этот двор, где очаг не получился, чтоб еще раз прийти очаг открыть... Говорят, где не получилось, ты не откроешь [Архив МАЭ РАН. ПМА 2135: 85].

Поэтому для любого здравомыслящего человека было крайне важно не поселиться на подобной территории. Как правило, в селении всегда находятся те, кто хорошо осведомлен в обстоятельствах появления подобной территории и могут вовремя предупредить новоселов или молодых односельчан, чтобы те не совершили роковой ошибки.

Там наш брат живет один, наш однофамилец. Ему сказали: там жили хиббавцы. Они эту землю прокляли и в Турцию уехали... даже ложку не оставили. Все забрали и уехали... И никто там не жил. Все знали, что проклято, и никто не хотел там жить. Но тот наш однофамилец... в самом месте не стал... Дальше сюда, дальше взял. Построил. А на том месте, которое хиббавцы прокляли, <...> один наш, он учителем работает. У него был единственный сын. Вот он там мандарины посадил, сад сделал, дом построил. Вот когда он строил, дядя наш, он ему сказал: вот здесь земля проклятая, не надо строить. Но он построил времянку хорошую, двухэтажную. Сын единственный был, он погиб. Он один остался [Архив МАЭ РАН. ПМА 1893: 11].

Тем не менее с течением времени память об обитателях проклятых территорий могла утрачиваться, сбор необходимой информации о предполагаемом месте жительства становился не столь простым, как раньше. Один из моих информантов сообщил любопытные подробности из жизни своего дяди по отцу, который, собираясь отделиться от отцовской семьи, обратился к услугам местного специалиста.

Взял пробу земли на одном участке. Со второго участка взял и с третьего. Два участка наши были, а вот этот тре-

тий участок не наш был. К знахарке потом пошел. Та однозначно сказала: «На этой земле добра не будет. Вот эту землю, откуда ты взял, туда выбрасывай». Вот здесь можно жить. А на практике что получилось? Там другой стал жить, сейчас два пустых дома — никто не живет. Все умерли. Там только одни могилы остались... Это проклятье проявилось на практике... Там пусто, можно посеять что-то, что-то выращивать. Но никто туда не лезет. Можно у дальних родственников разрешение взять, но не хотят люди туда [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 149–151].

В ситуации, когда устная информация о месте предполагаемого жилья отсутствовала, для зарождения подозрений относительно безопасности территории было вполне достаточно «косвенных улик». Один из моих информантов вспоминал, что на его памяти одному из жителей селения как-то был выделен свободный участок земли под застройку. Этот участок уже давно зарос лесом. Когда бульдозер стал расчищать место, скрепером были подняты обломки кувшинов, что явно указывало на то, что оно когда-то было заселено. Увидев это, претендент от участка отказался, не желая рисковать, так как не знал, кто здесь жил раньше, и какова история этой семьи [Архив МАЭ РАН. ПМА 1893: 12].

Черeda смертей и несчастий становилась последним аргументом в подтверждении неблагоприятного места обитания, висящего над ним проклятия, связанного с каким-либо пагубным фактом из прошлого. Исчезновение семьи, угасание и гибель рода могли протекать в пролонгированной форме, не столь явно себя проявляющей, но в любом случае этот процесс не оставался незамеченным для человека с опытом.

Бабушка говорила. Неприметные места... там жила семья... Ну, там мужчины не выживали вообще, и вымирали все мужчины... Это было очень видно... Пять братьев, и они подряд все умирали, не достигнув совершеннолетия. И никто не успевал ни жениться, ни оставить потомства. В этом месте род завершился. Они так и старели. Никто туда не входил

и не жил. Так они и исчезали [Архив МАЭ РАН. ПМА 1833: 65–66].

Выход из сложившейся ситуации для большинства жителей селения был очевиден: немедленный уход с опасной территории. Однако для хозяев усадьбы решение вопроса подобным образом означало утрату налаженного хозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями, и в первую очередь финансовыми. Поэтому хозяева зачастую прибегали к приемам очищения территории, принося искупительную жертву, что рассматривалось значительной частью населения скорее как паллиатив.

Иногда выкупают, какую-то сумму внесут, все равно не то. Жертву приносят, некоторые священников приводят, как обычно. Но все равно ничего хорошего [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 25].

Наш информант из селения Джгерда вспомнил о том, как в 1960-х годах глава семьи, заровнявший межевой ров, решил принести искупительную жертву, чтобы остановить череду несчастий, преследовавших его близких. Согласно сценарию ритуала искупления, предложенному местной прорицательницей, по линии бывшего рва были посажены в ряд на протяжении 100–200 м фруктовые деревья: гранаты, хурма, яблони, грецкий орех. В жертву были принесены три козла, животные, наиболее часто идущие на заклятие во время ритуала.

У деда (к тому времени умершего. — Ю.Б.) выкопали землю из-под правой руки. Полметра в глубину, ямку сделали. Горсточку взяли. Посыпали вдоль границы. Вся семья встала. Наших пригласили. Отец там был, дяди. Эти на своей земле стояли, эти на своей. Стояли в ряд по возрасту. Лицом друг к другу. Кто-то из наших фамильцев руководил этим делом. И туда пригласили одного Сангулия (посредника представителя фамилии, нейтральной по отношению к главным участникам ритуала. — Ю.Б.) [Архив МАЭ РАН. ПМА 1893: 21–22].

Причина возникновения проклятого места в той или иной форме связана с серьезным нарушением этических норм и правил поведения. «Без греха *ақьапта* не бывает».

Ш.Д. Инал-Ипа в своих очерках по истории брака и семьи у абхазов приводит легенду об образовании озера Папанцкур (сел. Гуп), согласно которой причиной его появления стало наказание священника, провалившегося в преисподнюю со всей своей семьей. Наказание последовало за нравственную порочность этого человека, позволявшего прихожанам брать в жены своих родственниц, не говоря уже о том, что он сам вступил в брак с двоюродной сестрой [Инал-Ипа 1954: 22].

С грехом кровосмесительства связано и появление в селекции Абгархук в Западной Абхазии такого микропонима, как *абҕынҕпчава*, который можно перевести как «место, куда с проклятием бросают сломанные ветки».

В одном роду может сто лет и больше этому случаю. Между братом родным и сестрой вот это случилось. Когда их застали, сразу же их убили... И люди, чтоб не забыть, проходя мимо этого места, ломали ветку, проклиная, туда бросали. Вырыли яму, как скотину дохлую хоронят, без никаких, чтобы тело не воняло, бросили, засыпали и все [Архив МАЭ РАН. ПМА 2134: 76].

В этой связи приведем здесь же абхазский вариант кочующего сюжета о проклятых селениях вследствие нарушения еще одного незыблемого правила, касающегося приема гостя.

Было проклятое селение. Они нарушили закон гостеприимства... Всевышний разлил свой гнев... полностью это село, как озеро Рица, образовалось... Оно провалилось под землю... Это между Псху и Гудаутским районом... Это место люди старались обходить в древности, потому что оно заклятое... «Все плохое чтобы в то проклятое село ушло». Даже со страхом говорят [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 25].

В другом случае отступления от закона гостеприимства приводили в действие не менее грозную стихию. Согласно старинному преданию, каждый проходящий мимо некой заброшенной усадьбы бросал туда хворостину. «Затем, когда накапливалось хворостинок много, их собирали в одну кучу и сжигали. Оказывается, хозяин этой усадьбы однажды зимой не впустил в свой дом озябшего путника. За нарушение закона гостеприимства хозяина прокляли так. Чтобы и после смерти он горел в вечном огне» [Бгажба 1987: цит. по Бройдо 2010: 85].

В особую категорию можно выделить земли, ставшие опасными для человека в результате осквернения святилищ. Здесь можно привести сюжет из работы А.Б. Крылова, относящийся к уничтожению в 1947 г. часовни, являвшейся святилищем в селении Лдзаа, в которой проводились церемонии очистительных клятв. На месте святилища было разбито несколько участков под застройку грузинских переселенцев. По утверждениям местных жителей, переселенцы-сваны и сменившие их мегрелы жили очень плохо, посаженные ими деревья засыхали, люди постоянно болели, несколько человек сошли с ума и т.п. Чаще всего новые жители могли прожить на месте святилища не более нескольких лет. После их отъезда колхозные власти вновь поселили туда грузинских переселенцев, и все повторилось [Крылов 2001: 288–289].

В этой же связи можно привести пример из истории селения Члоу, когда во время ритуальной практики на святилище фамилии Джопуа одним из местных жителей было убито священное животное — лань. Последствия, самым непосредственным образом коснувшиеся всей родни преступника, не замедлили сказаться.

Место, где убили лань, <...> дом пришел в полное запустение... Не только дом, там вся фамилия... Эта территория уже не заселялась [Архив МАЭ РАН. ПМА 1844: 64].

В этих случаях нарушители, вольные или невольные, оказались жертвами непосредственно святилищ. Провал, уход под зем-

лю, что нередко происходит с проклятыми территориями, это все тот же мир смерти, к которому принадлежит *ақыәта*.

Шестнадцать лет ему было. Отец, мать — все умерли. Он все сделал. Памятник сделал. Через два дня памятник пошел вниз... Могила пошла вниз. Ему 16 лет, никого нету. К кому-то поехал, который знающий. Как тебе сказать, это не акептаж, а гягянын. Когда были живые (родители), хорошего ничего не делали. Всегда плохое... Большая дырка 10 на 10. Смотришь туда — метров 100. Не знаю, живой или нет. И люди советовали побыстрее уезжать отсюда [Архив МАЭ РАН. ПМА 2134: 34].

Низинные, малопригодные для жизни, заболоченные территории в народном сознании, как правило, становились территорией обитания нечистой силы. В качестве примера можно привести сообщение об одном из таких мест на территории восточно-абхазского селения Адзюбжа.

Детей и женщин не пускали (на это место. — Ю.Б.). У нас в селении человек лежал при смерти. Одному из жителей во сне привиделось, что пришли черти и понесли его к тому месту. Главный черт: «Кого вы принесли, вы не того принесли». Здорового унесли обратно. Больной сосед тут же умер. Когда черти принесли спящего домой, он проснулся от крика с соседнего двора (традиционная форма извещения о смерти человека. — Ю.Б.) [Архив МАЭ РАН. ПМА 1833: 12].

В связи с традиционным взглядом на потенциальную опасность подобных ландшафтов интерес представляет следующая абхазская версия истории заселения мегрелами Колхидской низменности.

От Ингура до Риона там равнина очень заболоченной была, и всех абхазцев, которые совершали неблагоприятные поступки,

изгоняли и сажали там. Не одного, не двоих, не троих — процесс очень долго длился. По Риону граница была между абхазами и лазами. И тихо-тихо они смешались. Перешли на мегрельский язык, но... большая часть это бывшие абхазы, которые нарушили наши обычаи. Агру мы их называем, потому что прибрежная равнина, оттуда пошло, но это люди, которые списанные. Изгоняли туда еще в XIX в. [Архив МАЭ РАН. ПМА 1845: 43–44].

Процесс выведения из общественного оборота части территории, полное или частичное ее табуирование нашел отражение в местной топонимике. Так, в селении Гуп среди прочих мы встречаем следующие микротопонимы: *КэакэаркьаПҭа*, *МаршьанааркьаПҭа*, *ЧажэиқьаПҭа*, *Амасханияпта* [Зухба 2008: 107], где префикс «р» выражает принадлежность к некоему сообществу (например, фамилии), а «и» — принадлежность к конкретному человеку.

В нашем распоряжении нет необходимого материала для того, чтобы ответить на вопрос, какую роль в системе общественных отношений могла играть *ақьапта*. Мы можем лишь осторожно предположить следующую возможную функцию подобных выморочных территорий. Безусловно, *ақьапта* могла возникнуть, как отмечалось выше, по разным причинам и, главное, на различной территории. Однако сам факт ее появления в зоне территориального соприкосновения отдельных фамилий или сельских сообществ, т.е. там, где уровень конфликтогенности в потенциале был особенно высок, свидетельствует о том, что это мог быть маркер своеобразной разделительной линии.

Так, между селами Гуада и Члоу располагалась территория Гуачиакьпта [Ашуба 2008: 53]. На эту территорию, в силу особенности ее происхождения, не претендовала ни одна из граничащих между собой сторон.

Между Адзюбжей и Атарой находится какой-то двор (ашҭа). Этот двор люди называли «местом чертей». Говорили, что к этому двору нельзя было подойти, т.к. здесь были

захоронены в этой башне... (люди, неизвестные рассказчику. — Ю.Б.). Руины этих башен, там останки были еще видны. Женщины и дети к этому месту не подходили. Мужчины могли подойти, если они были вооружены. Если в том месте хотели выстрелить, то ружье давало осечку. Этот двор был на территории Адзюбжи, но на границе с Атарой. Место внешне нормальное... Приблизительно два гектара, территория обычного абхазского двора. Аба — башня. Кто-то собирался строить и не достроил... Жители Атары относились к этому месту так же как проклятому ишиду Тышуп. Проклятое место. Это место находится на берегу Кодора. Мужчины подходили, если у них был кинжал [Архив МАЭ РАН. ПМА 1833: 13].

Среди природных объектов, соответствующих своими характеристиками отмеченному ранее образу нижнего мира — мира мертвых, можно выделить пещеры. Они пользовались в местной среде дурной славой. Не случайно легендарный герой Абхазии Абрскил был навечно заключен Богом именно в пещеру. Для Абхазии характерно наличие большого количества карстовых пещер и подземных ходов, которые находились в зоне расположения многих абхазских селений. Согласно нашим сведениям, в Абхазии в прошлом существовала подземная коммуникационная сеть, которой в разное время пользовались контрабандисты и абреки. На посещение некоторых пещер накладывалось строгое табу, особенно для детей.

Существуют различные истории, герои которых, презрев запрет или просто не догадываясь о возможных последствиях, проникли туда и становились жертвами демонических сил. Так, один охотник, заночевав в пещере, проснулся оттого, что его, оцепеневшего, на его же бурке тащили к пропасти некие карлики. Спасти героя этого рассказа удалось буквально чудом [Архив МАЭ РАН. ПМА 1845: 45].

Потеряв свое жилье во время грузино-абхазской войны 1992–1993 гг., многие абхазы стали заселять дома, оставленные грузинским населением. Однако подобная практика, пусть даже оправ-

данная объективными обстоятельствами, не могла не прийти в противоречие с традиционным представлением о правильном поведении, создавая серьезный нравственный дискомфорт у той части населения, которая придерживалась норм *ансуара*.

Надо было не селиться в старых, чужих домах, а выстроить новые дома. Чтобы греха не было... Грех не бери на свою душу... Я не хочу, чтобы за меня другие отвечали (согласно представлениям абхазов, за грех, совершенный представителем старшего поколения, чаще всего расплачиваются его потомки. — Ю.Б.). *Это закон жизни* [Архив МАЭ РАН. ПМА. 1893: 87, 89].

Существовала также практика, когда новые хозяева разыскивали через посредников бывших владельцев и передавали им суммы денег в качестве компенсации за занятое жилье.

Некоторые деньги передавали бывшим хозяевам. Не один случай, не два, не три... Чтобы душу успокоить. А которые позахватывали, ничего хорошего не случилось [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 26].

Среди прочих существовал и наиболее радикальный сценарий решения этой проблемы:

Надо было сжечь все грузинские дома. Все. И заново строить [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 26].

Традиционно абхазами был выработан известный комплекс мер, который позволял не только контролировать общинную и соседскую границу с прилегающей территорией, но и разрешать возникающие конфликты, не доводя ситуацию до критического состояния. Как известно, в традиционном абхазском обществе охрана общинной территории являлась сферой компетенции представителей княжеского и дворянского сословия. «Князя счита-

лись покровителями, защитниками, дословно “надсмотрщиками” (*ахылашцѳы*) над данной общиной» [Инал-Ипа 1966: 236].

Однако не редки были случаи, когда представитель сословия *анхаю* (свободные общинники) благодаря своим личным качествам мог возглавить местное ополчение, в том числе для патрулирования границы и отражения нападения. Наблюдение за границей, а в ряде случаев и защита своего общества от внешней агрессии — нападений грабителей, конокрадов и т.д., осуществлялись также абреками, пастухами и охотниками, находившимися в силу специфики образа жизни на топографической периферии общинных территорий и являвшихся прекрасными следопытами. В качестве примера приведем высказывание жителя селения Члоу Валико Адлейба об абреке Мачге из соседнего селения Отап:

Мачгу боялись... Ходил в горы, через перевал, в Северный Кавказ, Ставропольский край, Сванетию. Где Мачга находился, там в Отапе никто ничего не терял. Он был защитником. Чистый, открытый, живой человек... Контролировал территорию [Архив МАЭ РАН. ПМА 1825: 38–39].

Опыт и навыки абхазских пастухов и охотников были активно использованы в период грузино-абхазской войны 1992–1993 гг. на территории Восточной Абхазии, в частности при формировании специализированных подразделений, где требовалось хорошее знание окружающей местности.

*У нас было два личных резерва командующего — диверсионная группа «Медведь», которая находилась у меня, и созданная специально под эту операцию горнострелковая рота... **Бойцы в этих группах хорошо знали горы, были пастухами, охотниками** (выделено мною. — Ю.Б.) [Амшенци].*

Но в связи с нашей темой более важным обстоятельством является то, что участие пастухов и охотников в военных действиях на Восточном фронте не выходило за рамки роли, обусловленной их традиционными занятиями — исполнением функции погра-

ничной стражи. В этой связи приведем замечание Б.Р. Джапуа, который, говоря об обороне Кодорского хребта, системы гор и водоразделов горы Ходжал, пишет о том, что в весенне-осенний период она «была обеспечена цепью постов, личный состав которых, в основном пастухи и охотники, вел непрерывное патрулирование. Главной задачей постов являлось своевременное обнаружение противника и оповещение» [Джапуа 2008: 36–37].

Что касается контроля над ресурсами общины, то, по словам нашего информанта, эта обязанность возлагалась на специально избранных для этого лиц (*ахыджахылабж*), в частности т.н. «старшину леса», которые имели соответствующие полномочия и поддержку старейшин селений. В качестве примера проявления этой системы на позднем этапе наш информант привел ситуацию, сложившуюся в одном из селений Западной Абхазии в 1985–1986 гг.

Тогда тоже хищнически к лесу относились. Председатель сельсовета, председатель колхоза ничего не могут решить. Он собрал старших, которым было по 80–85 лет... Разъяснил всю ситуацию, что будет с селом, если будет массовая вырубка леса, речка высохнет, ну и так далее. И он очень грамотно, спокойно объяснил. Они составили соответствующий документ через сельсовет, райком партии. Община собралась, уже вторично, решили и запретили леспромхозу (заготовку леса) на территории... Решил простой человек [Архив МАЭ РАН. ПМА 1847: 5–7].

Строго говоря, это уже не «старшина леса», но главное осталось неизменным: степень авторитета этого человека в обществе была такова, что односельчане безоговорочно признали за ним право инициировать созыв старейшин (в противном случае последние могли просто не откликнуться на его предложение) и руководить начатым им процессом.

Далеко не всегда традиционная система охраны местных ресурсов сохраняла свою дееспособность. Так, в селении Арасадзых, славящемся богатым уловом форели, жителям не удалось

сохранить традиционные правила пользования, позволявшие поддерживать на должном уровне популяцию рыб, которую в прошлом «ловили всем селом и поровну делили. Однако, когда ушли из жизни старейшие родов, когда изменились времена, молодежь не смогла уберечь это место и оно оскудело: то ли оттого, что взрывчаткой испортили выход из грота в реке, откуда выплывала рыба, то ли не стало ее в самой горной реке» [Капба 2008: 114].

Что касается охотничьих угодий, то здесь процесс разграничения не носил такого жесткого, фиксированного характера, как, например, при разграничении пастбищных территорий. Однако и в этой сфере контроль в той или иной форме осуществлялся. Это связано с тем, что охотничьи ресурсы всегда были невелики и поэтому община контролировала этот ресурс, ограничивая его эксплуатацию извне [Архив МАЭ РАН. ПМА 2135: 45].

В этой связи отметим, что в настоящее время в селении Ачандара сформировалась следующая система пользования охотничьими угодьями. В окрестностях селения в настоящее время могут охотиться не только ачандарцы, но и представители любого населенного пункта Абхазии. Жители Ачандары приблизительно в 2012 г. провели собрание, на котором выработали ряд правил, регламентирующих эксплуатацию общинных угодий. В частности, было признано крайне желательным, чтобы в группе посторонних охотников или рыбаков находился местный житель, «хозяин», который должен осуществлять функцию, во-первых, проводника и, во-вторых, стража порядка.

Мы не хотим позволить кому попало, чтобы браконьерничали, ловили. Если наш будет человек, знаем, что там будет порядок [Архив МАЭ РАН. ПМА 2135: 80].

Кроме того, собрание ачандарцев наделило одного из своих жителей полномочиями осуществлять функцию рыбнадзора и охотничьей инспекции.

Мы поручили... с рыбой, с охотой, чтобы лишнего себе никто не позволил. Чтобы все было под наблюдением... Он сей-

час как раз там находится. Постоянно машины проверяет. Туда едут — проверяет, обратно едут — проверяет [Архив МАЭ РАН. ПМА 2135: 80].

Здесь следует отметить следующий любопытный факт. Избранный собранием «старшина леса» является сотрудником государственной экологической службы. Таким образом, эколог, как назвал его наш информант, и по своим прямым служебным обязанностям должен был, скорее всего, выполнять вышеотмеченные функции. Тем не менее для нашего собеседника гораздо более важным был факт нет его формального служебного статуса, а то, что этот человек был местным уроженцем, членом ачандарского сельского сообщества [Архив МАЭ РАН. ПМА 2135: 81].

Что касается возникновения конфликта, то в этом случае потерпевшая сторона обращалась к старейшинам, которые и решали проблему. Процедура рассмотрения данного вопроса хорошо отработана. В идеальном виде она выглядит следующим образом:

Здесь уже совет старейшин. Кто-то должен заявить об этом. Обычно кто обижен. Тогда совет старейшин обе стороны приглашает. Сначала, это по правилам, у обиженного спрашивают. Спросили, задали вопросы, выяснили. До этого тоже выясняют, и они (т.е. совет старейшин) тоже хорошо знают. Отпустили. Того приглашают: что случилось? Опять все взвесили, а потом уже посоветуются, истину в последней инстанции скажут. У этого обиженного тоже родственники есть. Род тоже будет защищать своего [Архив МАЭ РАН. ПМА 2012: 95].

Отметим, что в каждой фамилии, патронимии есть старший, который знает свою территорию. Определенной спецификой отличалось регулирование конфликта на почве нарушения пастбищной территории. Глава пастушеского объединения — *агуп* — наделялся особыми полномочиями, ему доверялось регулировать «всякого рода конфликты, которые часто возникали в связи с пастбищами. Он совместно с другими главами соседних пасту-

шеских коллективов определял границы выпаса своих и чужих стад» [Бжания 1962: 80]. Здесь нелишним будет отметить, что в абхазской среде подобной властью наделялся лишь авторитетный человек, к словам которого прислушивались не только свои, но и члены других производственных объединений.

При создании межевой линии в землю в качестве скрытого маркера закапывали уголь. С.И. Бахия отмечает, что «во время раздела семьи и распределения имущества братья намечали новую границу площади, разрыхляли землю и по меже засыпали ее углем или галькой» [Бахия 1986: 24]. Наши информанты также сообщают об этом приеме (закапывании угля — *арацэахту*) организации межевой полосы.

Общинную землю как делили? Ну, всегда же спор... Брали древесный уголь и выкапывали ограниченный участок... канаву и засыпали древесный уголь. И все. И когда споры бывали, и там, где древесный уголь, ты уже сюда не имел права переходить. По сей день это было. «Попробуй перейти эту межу, мой предок там закопал уголь!» Если спор был, они могли вскрыть, и разговор заканчивался [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 4].

Не вызывает никаких возражений тот факт, что такое присущее углю свойство, как долговечность, делает его надежным маркером при проведении линии границы. Представляется, однако, что значительно более важным является то, что на границу вынесен символ сакрального центра абхазского дома — очага. Символ, который в силу его значимости можно рассматривать в одном ряду с тем же хлебом и материнским молоком из абхазских преданий. Преступить через уголь, по сути осквернить очаг, способен лишь тот, кто находится вне границ социально-культурного пространства абхазов.

Дело, однако, этим не ограничивалось: проведение границы происходило «в присутствии свидетелей — уважаемых людей, соседей» [Архив МАЭ РАН. ПМА 2013: 20]. Их слово являлось самым веским аргументом в споре о границе. На практике за «со-

ветом старейшин» нередко скрывался не коллегиальный орган, а просто хорошо информированный, уважаемый человек, точка зрения которого до настоящего времени является окончательным приговором при урегулировании конфликта.

Был такой случай. Мой отец родился в 1904 г. В советское время земельный участок разделили на четыре части и колхозникам дали... Моего отца пригласили... Представители одной стороны пригласили. Который приглашал, знал, что отец знает эти границы. Там... и наш участок рядом был. Наш участок за нами сохранялся, а соседский на четыре части был разделен и колхозникам был роздан. Вот он пришел, он даже вспомнил, там еще старое, ... его уже в живых не было, кто владел этим земельным участком. И он сказал. И они тоже знали, знаете, ну они надеялись... Уже советской власти не было, но... думали, что власть за них будет стоять. Абсолютно нет. В течение каких-то минут вопрос был отрегулирован. Он сказал, граница где проходила. Там, знаете, как... Вот этой дороги, соединяющей два села, не было. А там дорога по-другому шла. Дорогу построили, и получилось так, что участки были разделены... Вот цельную границу дорога разрушила. Ну, отец сказал, что он все помнит. Граница вот проходила. Этот участок принадлежал... И все. Никто не мог оспорить. Все мирно разошлись, тихо. <...> Ну, я Вам одно скажу, действительно так и было. У нас вообще не принято, когда ссылаются на родных, близких, просто некрасиво получается. Границу дорога разрушила, но там между нашими участками межа была, заросла колючкой с той и этой стороны... Ну, знаете они тоже знали, здесь никто не стал оспаривать [Архив МАЭ РАН. ПМА 2012: 137].

Здесь мы видим пример, когда появление нового ориентира — дороги — дало повод одной из сторон попытаться заявить свои права на земельный участок. Благодаря хранителю информации, занявшему в данном вопросе принципиальную позицию, попытка не увенчалась успехом.

Однако наиболее правильной стратегией поведения считалось купирование конфликта на самой ранней стадии его возникновения, что, безусловно, являлось надежным способом нормализации соседских отношений. Необходимым условием для этого, согласно точке зрения наших собеседников, является поддержание границы в должном состоянии.

Я не только в лесу прорубил просеку, но и на пашне — проложил там ров, провел на своей территории. Я думал о пономках, которые могут в отсутствие меня <...> заметить конфликт. Я сделал так, чтобы ни у кого никаких претензий не осталось. Изживание конфликта. Обозначение границы, оно улучшает взаимоотношение. Доверие повышает [Архив МАЭ РАН. ПМА 2012: 190].

На практике разрешение спорных вопросов по «мягкому сценарию» во многом зависит от доброй воли и дипломатических способностей сторон. Один из наших информантов вспоминал, что, когда он купил участок земли у своей родственницы, жившей к тому времени в городе, он столкнулся с попыткой своих новых соседей «откорректировать» линию границы.

Забор был очень широкий, старой постройки. Вот если у тебя будет намерение захватить землю, то ты можешь посчитать его на этой стороне, потому что он метровой ширины. А там саженьцы груши, яблони торчат прямо на изгороди. И вот соседка... говорит: «Это мой сын посадил, это тот посадил...» Ну я молчу, молодой человек, во-первых, во-вторых, недавно приехал, не стал с ней спорить. Просто хитро поступил: пригласил эту тетку, противопоставил их (родственницу с соседкой. — Ю.Б.). Прямо на меже. И говорю, чьи все-таки эти деревья, которые ты продала мне... И все. Там разборка прямо на заборе произошла. «Это мой отец посадил — еще каких времен, он и прививку сделал!» Коротче говоря, она ее обломала. И дело не в том, что мое или не мое. Главное, чтобы отсутствовал конфликт. Если даже она

забрала бы эти деревья... Дело не в этом. Главное, что конфликта не было. Надо было его разрешить. И я спокойно его разрешил [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 162–163].

Во втором случае даже не пришлось прибегать к помощи хранителя информации.

Вдруг сосед произносит вот такую фразу: «Вот там, где сейчас растет груша, вот эта территория когда-то принадлежала моему деду, и здесь росла лавровишня огромного размера». Я сразу понял, что здесь речь идет о том, что я новый, не знаю, когда, где росло, а он претендует на метров десять моей территории. Это уже поле... Я сказал, как будто мимоходом: «Наверное, мне придется вернуть твою территорию... Я скажу тете, что она захватила вашу территорию, мне придется изменить границу. И она пускай сделает мне уступку». Он как задний ход сразу дал. «Да, нет! Ты что!? С ума сошел?! Это уже устоявшаяся граница. Это когда-то, может, было» [Архив МАЭ РАН. ПМА 2012: 166].

Конфликт завершился, не успев начаться. Намека на участие в разбирательстве осведомленного человека оказалось вполне достаточным, а обманчиво легкое согласие с аргументами оппонента не испортило дальнейших отношений.

Колхозное строительство в Абхазии в таких сферах, как землеустройство и межтерриториальное разграничение, сопровождалось многочисленными коллизиями, возникавшими как следствие столкновения традиционной ментальности с новыми формами организации общественной жизни. На протяжении всего колхозного периода истории Абхазии крестьяне так и не привыкли к мысли об окончательной утрате своих родовых и общинных земель.

Нам известен один случай, когда хозяину земли, старому керазовцу (Кераз — революционная боевая организация, созданная в 1917 г.) и другу Н. Лакобы вопреки давлению районной власти

вообще удалось не вступать в колхоз и отстоять свою территорию, которая, кроме прочего, включала в себя 18 га леса.

Приходил, просил разрешения председатель колхоза. Присылал людей, столбики для оград и т.д. Пожалуйста [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 10].

На протяжении всего периода советской власти сохранялась непреложная традиция получать разрешение селиться на выделенной колхозом земле у ее бывшего владельца, в противном случае это рассматривалось обществом как прямое вторжение. Приведем один из многочисленных примеров подобного рода, имевшем место в селении Калдахвара.

Борис пришел, Сергей. Когда они это место выбирали, они приходили, спрашивали у отца. Знали, что это наша земля — дедовская, прадедовская. Семьи большие, расширялись. Борис отделился, Сергей отделился. Хотя это все были колхозные земли, тем не менее они пришли, отца спросили: «Хотим на этом месте жить». Отец говорит: «Какой разговор может быть». Во-первых, если отец сказал бы нет, но там колхоз выделил. А он по старой памяти, по всем обычаям, пришел, (отец) еще напутствовал, во здравие... Это было в 50-х годах... Еще в 80-е годы Даур Чагава, Григория Лева — там наши земли, там колхозные земли... А в 80-е годы уже развал Союза, дележка земель и людям давали земли, кто где хочет. Но приходили, знали кто где жил, чья земля по старинке... Даур написал заявление. Формально колхозы существовали... Через колхозы всю землю распределяли. Даур и Лева пришли к нам домой. Один наш племянник, но далекий, а Чагава Даур вообще чужая фамилия. «Мы были в колхозе, в сельсовете были, написали заявление». Отец живой был еще, спросили у отца. При мне это было. Подошли к отцу: «Дядя Джота, мне 15 соток выделили». И отец пригласил (их) в дом, сюда вот. Пошел вина набрал, стол накрыл. «Ребята дай Бог чтобы жили, развивались, чтобы семьи создавали, нация чтобы

увеличивалась». Стоя со стаканом: «Чтобы вы не болели на этой земле... с открытой душой эту землю отдаю!» Хотя эта земля уже колхозная. Они могли не прийти, но они пришли [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 95–97].

В настоящее время процесс возвращения к прежним границам можно рассматривать в целом как состоявшийся.

В моей практике не было случая, чтобы кто-то попытался нарушить... Если даже кто-то очень серьезно, воспользовавшись поддержкой советской власти, на какой-то период эти земли присвоил себе, ... по прежним границам идет [Архив МАЭ РАН. ПМА 2064: 133].

Тем не менее реалии современной жизни таковы, что могут серьезно корректировать доминирующий принцип «дедовской земли». В одном из селений Восточной Абхазии между однофамильцами произошел конфликт на почве возвращения родового участка земли. В течение 25–30 лет один из участников конфликта обрабатывал землю, которую ему выделил колхоз. В настоящее время прежний хозяин потребовал этот участок освободить на том основании, что его новый владелец, во-первых, перестал обрабатывать землю, а во-вторых (и главное), что именно он является ее наследником по прямой линии. Этого аргумента оказалось достаточно, чтобы последний владелец земли ее оставил.

Для нас здесь важно отметить, что не противоречащий букве традиционного права поступок вызвал острое осуждение окружающих. Для абсолютного большинства людей такой подход к вопросу, когда обрабатывавший в течение многих лет землю человек вынужден был ее оставить, оказался неприемлемым.

Колхозный фонд был сформирован за счет земельного фонда сельской общины и повторял на первом этапе ее границы. Для жителей поселков и селений вполне естественно было рассматривать себя хозяевами своих исконных территорий. В этой связи показательна история, приведенная нам в качестве примера умелого руководства Н. Лакоба, умевшего использовать при решении раз-

личных экономических и социальных вопросов советского строительства в Абхазии традиционные институты народовластия.

В данном случае речь идет о строительстве пассажирского судна «Абхазия», спущенного на воду в 1927 г. Нестор Лакоба обратился к уважаемому в Абхазии медиатору Тванба Осману с просьбой собрать старейшин селения Дурипш и убедить их дать разрешение на заготовку необходимого стройматериала в лесном массиве, принадлежавшем местному колхозу.

А лес в Дурипше был очень хороший. Это был колхоз, но лес был общинный. И никто не имел там права без разрешения даже ветку поломать. Он мог как государственный... правитель (приказать), но он делает очень мудро. Обращается (к Тванбе): «Он будет бороздить моря и океаны, на нем будет имя нашей республики». Осман собрал стариков, часа два (говорил)... логично все. Они дали согласие [Архив МАЭ РАН. ПМА 1847: 9].

Нам здесь в первую очередь важно вслед за нашим информантом отметить, что решение этого вопроса шло по традиционному сценарию, с подчеркнуто уважительным отношением к правам общины, без малейшего намека на возможность применения административного ресурса.

Как уже отмечалось выше на примере конфликта, разгоревшегося на почве установки дорожных знаков, различные «посягательства» на свою территорию воспринимались населением крайне болезненно. Здесь можно привести предание, бытующее в восточно-абхазском селении АрасаЗыхь, в котором повествуется о некоем казаке-камнетесе, работавшем в селе на возведении крепостной стены. В результате несчастного случая во время строительства мастер сломал ноги, но, получив достойное лечение и уход, поправился и принял решение навсегда остаться у своих гостеприимных хозяев. Ответ общины на его просьбу не оставлял никаких надежд: «Дад (вежливая форма обращения), мы тебя сильно уважали, за труд тебе заплатили, те один-два твоих товарища, которые приехали сюда работать, уже уехали по своим

местам, у тебя тоже есть своя родина, там ты больше нужен, езжай к себе. Не обижайся. Но это горная земля — святое место, не приемлет чужого языка, людей, кроме тех, кто со дня сотворения мира живет здесь» — сказали ему [Капба 2008: 113].

Несмотря на вежливую форму, отказ выражен недвусмысленно: с точки зрения местных жителей, на территории сельской общины не должно быть постороннего человека. Очевидно, что в действительности провозглашенный выше принцип был достижим далеко не везде и не всегда. Однако он позволяет приблизиться к пониманию и объяснению той крайне негативной реакции жителей сельских сообществ Абхазии на проводившуюся руководством Грузии переселенческую политику: они рассматривали ее как акт откровенной агрессии. В 1947 г., когда грузинским руководством было принято решение переселить на территорию селения Гуада часть проживавшего в различных районах Грузии населения, в этом населенном пункте состоялось большое собрание.

От имени сельчан выступили Нестор Ашуба и Мез Матуа. Нестор заявил следующее: «И грузин и мезрелов, осмелившихся перешагнуть границу села Гуада, своим посохом проколю и убую».

А затем выступил Мез Матуа, односельчане единогласно поддержали ораторов. Таким образом, была предотвращена попытка заселения села жителями из района Грузии» [Ашуба 2008: 53].

Жители Джгярды [Ашуба, Джопуа 2008: 63] и Члоу [Джопуа, Джопуа: 2008: 80] в этом вопросе заняли аналогичную позицию и не дали переселенцам из Грузии заселиться на своей территории.

Колхозная модель не являлась слепком прошлых общинных отношений. В частности, жителям селения Атара, чей земельный фонд был одним из самых больших в Восточной Абхазии, выполняя указания районной власти, пришлось поделиться своими землями с соседями.

Земельные споры очень часто происходили на уровне сельсовета. Между селами тоже бывало. Захват земель. У нас

в Атарax это процветало. Наше село обладало очень большой территорией. Колхоз был богатый: все-таки 160 га земли под чайные плантации. И пашня была большая. И у нас каждое село... старалось оттяпать какой-то участок. Аракич — Аштугун называется, участок оттяпал. Ахалдабцы оттяпали Акяса. Кинджи оттяпал птицефабрику, Атара Армянская... Это все на моих глазах происходило. В одно время я землемером работал [Архив МАЭ РАН. ПМА 2065: 55].

Такие неизбежные обстоятельства жизни в общине, как изменение топографии, появление новых соседей, продажа земли, смена поколений, передача земли в аренду, не говоря уже о таких экстраординарных исторических событиях, как махаджирство, перераспределение земли в революцию и последующий развал колхозной системы, требовали постоянного возвращения к вопросу о линии границы. Здесь, как нам представляется, сыграла определенную позитивную роль периодически возобновлявшаяся практика территориальных споров, которая способствовала постоянному обновлению границы на виртуальных картах и актуализации фонда устной информации. Отметим, в частности, что процесс восстановления границ родовых земель в Абхазии в постсоветский период прошел практически без серьезных конфликтов. Абхазские крестьяне и в колхозный период, лишившись своей родовой земли, никогда не упускали ее из вида, передавая через поколения память о ее границах. Парадоксально, но граница у абхазов являлась и является не столько фактором размежевания/разделения своей и соседской территории внутри общины, сколько инструментом сохранения социокультурной преемственности в рамках традиционного абхазского общества.

Библиография

Адлейба В.И. Маркула // Очамчыра. 2500 лет. Сухум; Н/Новгород, 2008.

Амиенци Л. Интервью с Джапуа Б.Р. Интернет-группа «Абхазия — страна души». www.abhaziya.org.

- Апхазоу В.П.* Кындыг // Очамчыра. 2500 лет. Сухум; Н/Новгород, 2008.
- Аиуба А.Е.* Гуада // Очамчыра. 2500 лет. Сухум; Н/Новгород, 2008.
- Аиуба А.Е., Джопуа А.И.* Джгярда // Очамчыра. 2500 лет. Сухум; Н/Новгород, 2008.
- Бахия С.И.* Абхазская абипара» — патронимия (Грузино-абхазские этнографические параллели). Тбилиси, 1986.
- Бгажба Х. С.* Труды. Книга первая: этюды и исследования. Сухуми, 1987.
- Бжания Ц.Н.* Из истории хозяйства абхазов. Этнографические очерки. Сухуми, 1962.
- Ботяков Ю.М.* Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. СПб., 2004.
- Бройдо А.* Непокорный умирает стоя. Война 1992–1993 годов и этнопсихология абхазов. Сухум, 2010.
- Генко А.Н.* Абхазско-русский словарь. Сухум, 1998.
- Джапуа Б.Р.* Фронт восходящего солнца (Мрагыларатэи афронт). Краткие описания боевых действий на Восточном фронте в ходе отечественной войны 1992–1993 годов. Сухум, 2008.
- Джопуа А.И., Джопуа М.Д.* Члоу // Очамчыра. 2500 лет. Сухум; Н/Новгород, 2008.
- Делба З.П.* Акуаскиа // Очамчыра. 2500 лет. Сухум; Н/Новгород, 2008.
- Зельницкая Р.Ш.* Рукопись.
- Зухба С.Л.* Гуп // Очамчыра. 2500 лет. Сухум-Н/Новгород, 2008.
- Инал-Ипа Ш.Д.* Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954.
- Капба Р.Х.* Арасадзыхь // Очамчыра. 2500 лет. Сухум; Н/Новгород, 2008.
- Кашежев Т.П.* Фольклорные записи // Избранные произведения адыгских просветителей. Нальчик, 1980.
- Кварчия В.Е.* Историческая и современная топонимия Абхазии (Историко-этимологическое исследование). Сухум, 2006.
- Кокоскир И.К.* Баслаху // Очамчыра. 2500 лет. Сухум; Н/Новгород, 2008.
- Крылов А.Б.* Религия и традиции абхазов. М., 2001. Ч. 2.
- Лавров Л.И.* Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924–1978 гг.) Л., 1982.

Источники

- Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 1755.
Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 1825.
Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 1833.
Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 1844.
Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 1845.
Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 1847.
Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 1893.
Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 2064.
Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 2065.
Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 2134.
Архив МАЭ РАН. ПМА. Ф. К.І. Оп. 2. № 2135.